

*А.И. Смирнова,
А.В. Макарова*

РУССКАЯ НОВЕЛЛИСТИКА КОНЦА XX ВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖАНР

В статье рассматривается новеллистика писателей неопочвеннического направления в современной прозе, анализируются рассказы «Женский разговор» и «Век живи — век люби» В.Г. Распутина, «Холюшино подворье» и «Фетисыч» Б.П. Екимова. Концепция человека предстаёт в них жанрообуславливающим фактором: при воссоздании целостного индивидуального бытия человека ведущим аспектом является «родовое» начало, при раскрытии ущербного существования в отрыве от нравственных традиций в изображении человека доминирует «видовое» начало.

Ключевые слова: новеллистика; рассказ; жанр; концепция человека.

В работе «Герменевтика литературного жанра» В.М. Головкин чётко разграничивает понятия «жанровая концепция человека» и «идея человека»: «Анализ жанрообуславливающих и жанрообразующих факторов предполагает чёткую дифференциацию таких категорий, как жанровая “концепция человека” (имеется в виду содержательный “охват” изображения человека в его отношении к миру) и “идея человека”. Жанровая “концепция человека” определяет “понимающий” потенциал, познавательное качество и основной конструктивный принцип жанра (то, что М.М. Бахтин характеризовал как “архаичку” жанра, “архитектонически устойчивое” в нём).

“Концепция человека” как фактор жанрообуславливания — категория типологическая, свойственная только конкретному виду (жанру) <...>; “идея человека” — категория историческая, она прорабатывается всеми жанрами» [1: с. 68].

Обратимся к рассказам писателей-реалистов, творчество которых представляет «неопочвенническое» направление в литературном процессе последней трети XX века. Выбор авторов — Валентина Распутина и Бориса Екимова — обусловлен тем, что, с одной стороны, они продолжают традиции русской классической

литературы, с другой — чутко реагируют на изменения, происходящие в общественной жизни. Писателей объединяет и внимание к отдельному человеку, стремление запечатлеть индивидуальный характер в особых жизненных обстоятельствах.

При выявлении факторов «жанрообусловливания» важен «доминантный принцип художественного человековедения», свойственный тому или иному жанру. «Важнейшим критерием жанровой типологии, — подчёркивает исследователь, — становится специфическое выражение взаимосвязей “родового” (общечеловеческого, общеисторического, общесоциального), видового (социально-исторического, конкретно-исторического) и отдельного (индивидуально-го) при изображении человека» [1: с. 73]. Разумеется, соотношение этих начал и характер взаимосвязей — в зависимости от жанра (роман, повесть, рассказ) — будут разными.

Концепция человека в прозе В. Распутина определяется центральной идеей его творчества: к концу XX века происходит процесс разрушения народной нравственности, так как современный человек забыл свои «корни», утратил понятие «рода», отрёкся от традиционного устоя. В рассказах писателя человек и природа всегда взаимосвязаны: человек либо противопоставляет себя ей (что равнозначно противопоставлению себя своему естеству), либо живёт в согласии с ней. В единстве существования с природой заложена цельность мировосприятия. Природа раскрывается в произведениях автора как цельный живой организм.

В центре рассказа В. Распутина «Женский разговор» (1994) — два женских характера: бабка Наталья и её внучка Вика. Духовная связь между ними потеряна, и причина не только в том, что старая Наталья всю жизнь прожила в деревне, а Вика, кроме города, ничего не видела. Героини противопоставляются друг другу по жизненному опыту, по представлениям о мире, по нравственной основе. Они не могут понять и услышать друг друга. При воссоздании целостного индивидуального бытия Натальи доминантным признаком раскрытия образа героини становится родовое начало. Наталья, подобно героине повести «Последний срок», всю свою жизнь посвятила труду и воспитанию детей, она живет в согласии с природой, в согласии с са-

мой собой. У Натальи все достаточно просто, она не знает душевных метаний, поскольку следует внутреннему голосу, голосу поколений. У героини свои представления о месте человека в мире, о предназначении и поведении женщины, родовое восприятие окружающей действительности, полученные не благодаря образованию, которого она не имеет, а вследствие натурально-природного, крестьянского уклада жизни. «Как пойдёт дитёнок, волчица и та в разум возьмёт, как ему помогчи. Без докторов, без книжек. Бабки и дедки из глубоких глубин укажут. У людей пожеланье, угаданье друг к дружке должно быть. Как любиться, обзаимность учит. Тяготение такое. У бабы завсегда: встронь один секрет, а под ним ещё двадцать пять. А она сама про них знать не знала» [3: с. 589].

Образы распутинских «старух» типологически близки героям-труженикам произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Б. Екимова. Так, в рассказе Б. Екимова «Холюшино подворье» (1979) изображается герой, для которого труд стал смыслом всей его жизни — призванием и повседневной необходимостью: «И в сенокосный срок Холюша, считай, совсем не спал. Прикорнёт иногда на часок. И всё. В эту пору он вовсе высыхал и чернел ликом, как головёшка. Он свои угоды выкашивал, а потом брал где можно: по лесу, на буграх, за огородами, по степи, в балочках — никакою травой не гребовал, вплоть до осоки. А уж от сена, от запасов своих глядел, сколько в зиму скотины оставить. Кое-кто из молодых, на одну коровёнку запасая, жаловался. Холюша косил и косил, днём и ночью» [2: с. 239].

Вспоминая детство, дед Халамей, а проще Холюша, видит одну картину: «Вот они картошку с матерью окучивают. Мать тянет плужок, а пацан за чапигами. И норовит вырваться, вывернуться плужок. Мать неровно тянет, рывками. Руки немеют, дрожат...»

А вот он вместе с отцом, и косёнка у него своя...» [2: с. 253]. Концепция человека в рассказе Б. Екимова реализуется в облике Холюши: в единстве родового, индивидуального и социально-исторического. Рассказ, несмотря на локальный масштаб событий и пространственно-временную специфику, присущую жанру, раскрывает бытие человека, который генетически усвоил трудолюбие, вырос среди домашних животных, продолжает родовые

традиции, при этом являясь их и социально-исторических условий невольником и «жертвой». В столкновении «родового», «индивидуального» и «видового» выражается драма героя.

Критерием нравственной оценки человека в «деревенской прозе» являются его отношение к труду и к природе, его восприятие окружающего мира. В «Холюшином подворье» образу «золотого хозяина» (первоначальное название рассказа) Холюши противопоставлен бездельник Митька, «колхозный электрик и пьяница». Конфликт двух поколений (старшего и младшего) в неопочвенническом направлении носит типологический характер. В распутинском рассказе «Женский разговор» этот конфликт углубляется, насыщается философским смыслом. Вика — современная девочка, со своим пониманием жизни, со своей в ней правдой. «А какая у девчонки правда? Упрямится и только. Как и во всяком недозрелом плоду кислоты много» [3: с. 585]. В деревне у бабушки Вика оказалась не по своей воле: «...в шестнадцать годочков пришлось делать аборт», потом отправили «к бабушке на высылку, на перевоспитание» [3: с. 579]. Вика и воспринимает это как вынужденную меру. Её мировосприятие ограничено собственными интересами, поэтому она не стремится понять свою бабушку или узнать больше о её жизни.

Перед предполагаемым отъездом Вики у них с Натальей состоялся женский разговор, который происходит ночью, когда вокруг тишина и покой и, кажется, всё настраивает на откровенный лад. Автор противопоставляет современное и «старое» представления о назначении женщины. В открытом сравнении позиций двух женщин проявляются два абсолютно разных отношения к жизни. И хотя старая Наталья в чём-то патриархальна в своих суждениях, однако в них выражаются её житейская мудрость и традиционная нравственность, которыми «крепилась» жизнь женщины в семье и «на миру». Вика же признаёт только «любовь», лидерство в отношениях и к бабушкиной точке зрения относится довольно скептически. «Да не это теперь, не это!.. Что ты мне свою старину! Проходили!» [3: с. 582]. Духовная и душевная неразвитость внучки проявляется в том, что она не способна откликнуться на то, чем живёт близкий ей по крови человек, не способна почувствовать и понять Наталью, её нравствен-

ные принципы. Вике неведомо ощущение единства существования с природой, присущее Наталье. И в этом выражается главная проблема рассказа: преемственные связи рвутся, человек оказывается одинок и не защищён в современном мире.

Образ Вики позволяет автору обратиться к современным социально-нравственным проблемам, к положению женщины в обществе, к отношениям мужчины и женщины, на первый план в которых выступают телесные удовольствия и самоутверждение. Вика, в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта, многого не понимает. «Девка она рослая, налитая, по виду — вправду в бабы отдавай, но умишко детский, несозревший, голова отстает» [3: с. 580]. Вика выражает ещё одну из главных черт современного молодого поколения — усталость от жизни. «Ишо жить не начала, а уж всё надоело. Что это вы такие расхлябы без интереса к жизни?» [3: с. 581], — спрашивает её Наталья. Автор вкладывает в уста героини свои размышления о несостоятельности молодого поколения, подмечая в его психологическом облике конкретно-исторические черты. Идея рассказа состоит в том, что современный человек вместо созидания занимается саморазрушением, начав с самого ценного — со своей души и нравственности.

Повествование о ночном разговоре двух женщин перемежается природными описаниями. В произведениях В. Распутина природа часто вторит человеку, способствуя раскрытию его облика. Так, в рассказе «Женский разговор» автор описывает месяц, который во время разговора Натальи и Вики заглядывает в окно: «Полнится каждую ночь, полнится, пока не наберётся в круглую сытую луну» [3: с. 586]. Символика растущей луны связана с женщиной, вынашивающей ребёнка. Эта параллель — свидетельство естественности происходящих в природе процессов. На фоне этой картины состояние Вики воспринимается как некий разлад, не только внутренний, но и внешний, с природными силами, с циклическими процессами в развитии всего живого. Важно в рассказе и то, с чего начинается разговор: «В этот вечер не спалось. Бывает же так: как из природы томление находит, как неоконченное что-то, зацепившееся не даёт отпущение ко сну» [3: с. 580], —

словно сама природа вызывает внучку и бабушку на откровенный женский разговор.

Если в «Женском разговоре» образ природы звучит как бы камертоном, то в рассказе В. Распутина «Век живи — век люби» (1981) она является непосредственным участником событий. Перед читателем предстает тайга во всей своей красоте и величии. По Распутину, природа не просто существует как факт, она разумна и самодостаточна. Природа проверяет человека на крепость, испытывает его, а нравственная состоятельность человека определяется его отношением к ней. Эта мысль близка и В. Астафьеву, настаивающему на связи поведения человека в природе и поведения его среди людей: и то, и другое определяется совестью, нравственностью. В «Век живи — век люби» на лоне чистойшей неиспорченной, «не испачканной» человеком тайги происходят события, которые позволяют раскрыться героям «изнутри». Именно природой проверяются нравственные устои человека, его отношение к себе и взаимоотношения с окружающими людьми, его внутренняя духовная наполненность или опустошенность.

В рассказе раскрываются три мужских образа — это Митяй, дядя Володя и мальчик Саня. Митяй живет в ладу с окружающим миром, более того, цельность его мировосприятия связана с природой, он понимает красоту и величие бытия именно через неё, смысл его жизни — в единстве существования с природой. Он живёт в согласии с ней, чувствует её, доверяет ей. Митяй знает тайгу, кажется, наизусть, для него это действительно почти родной дом. «Тропа на белых, как высушенных, камнях терялась, не оставалось... никакой маломальской приметы, но Митяй словно бы видел её поверху и точно выходил на её продолжение» [4: с. 267]. Митяй понимает законы природы и полностью им следует. Более того, у него есть собственная теория о том, что природа, а конкретнее, тайга плохих людей не отпускает, не прощает, мстит. Именно так он объясняет смерч, пронесшийся над тайгой, именно об этом он предупреждает дядю Володю, который не сказал Сане, что собирать ягоду в оцинкованное ведро нельзя. «Теперь, дядечка Володечка, ходи и оглядывайся... Такое гадство в тайгу нести... На тебя первая же лесина сама свалит-

ся, первый же камень оборвется. Вот увидишь. Они такие фокусы не любят... ой, не любят!» [4: с. 284–285]. При всех своих недостатках, Митяй цельный человек, обладающий понятиями нравственности, моральными устоями — честностью, чувством долга. Он отличается от большинства героев В. Распутина своим возрастом. Если во многих произведениях носителями и хранителями «старого мироотношения» являются пожилые люди, то здесь это Митяй — человек хоть и неопределенного возраста, но явно не старый. Именно он выступает продолжателем народных традиций.

Митяю полностью противопоставлен другой герой — дядя Володя. Он браконьер по всей своей сути, браконьер по отношению к природе. Несмотря на то, что ягод и так в изобилии, он предпочитает взять совком. А «чего её совком драть, когда ягода такая? Ты её рукой в леготочку натрясешь. И ягода будет чистая — хоть на базар. Совком только лист обрывать» [4: с. 273]. Но у дяди Володи своё мнение на этот счёт. Он браконьер и по отношению к людям (вспомним «сухопутного браконьера» из повествования в рассказах «Царь-рыба» В. Астафьева). Заметив, что Саня набирает ягоды в оцинкованное ведро, дядя Володя ничего ему не говорит о том, что ягода даст сок и пропадёт в ведре, молчит до последнего, по одной простой причине: «Учить вас надо. И парень всю жизнь будет помнить» [4: с. 284].

У дяди Володи отсутствует потребность в сосуществовании с природой. Он её не понимает и боится. Так, когда вокруг их ночлега ходит медведь, он поднимает панику. Он привык поступать подло, никому не доверяет, того же ждёт и от окружающих. В этом случае можно говорить о браконьерстве души.

Третий герой — мальчик Саня, ему пятнадцать лет. Он находится в том возрасте, когда хочется самостоятельности, чтобы начать определяться со своим местом в жизни: «В конце концов, мне за себя в жизни ответ держать» [4: с. 254]. Всё складывается как нельзя удачно: родители отправляют его на лето к бабушке, но та вынуждена уехать и оставить его на хозяйстве («Прошло три дня — и вдруг бабушке приносят телеграмму: срочно выезжай, Вера в больнице, дети одни» [4: с. 255]). И Саня остаётся один.

Он вполне справляется со всеми обязанностями, действительно проявляет самостоятельность. Это заставляет его по-другому посмотреть на самого себя («полюбил даже пропалывать грядки в огороде, чего раньше терпеть не мог» [4: с. 255]) и на окружающий мир. В результате «ничего, казалось бы, не изменилось, внешне всё оставалось на своих местах и в своём обычном порядке... кроме одного: он получил удивительную способность оглянуться на этот мир и на этот порядок с расстояния» [4: с. 255].

Поход в тайгу за ягодами для Сани не первый, но он не похож на остальные. Саня впервые идёт с ночёвкой. Для него пребывание в природе становится своего рода первооткрытием её. Он всей душой воспринимает происходящее вокруг, поражён великолепием природы, её гармонией и красотой, которую впитывает в себя. Собирая ягоду, он видит красоту в «бескрайнем густоплодье», он настраивается на одну волну с природой: «Пальцы скоро научились чувствовать податливость ягоды, её крепость и налив» [4: с. 275]. Всё вокруг Саня воспринимает как «желанное воспоминание». Так в рассказе реализуется мотив связи с предками через «общеродовую» память. Это лишний раз подчеркивает, что созидательное общение с природой является исконно привычным для человека, оно изначально заложено в нём. Когда Саня собирает ягоду, он настолько погружается в состояние гармонизированного диалога с природой, что разговаривает с нею: «Не обижайся... что возьму тебя... я возьму тебя, чтобы ты не пропала напрасно, чтоб не упала на землю и не сгнила, никому не дав пользы...»; действительно, «Сане не хотелось признаваться, что он будет варить или толочь ягоду, это казалось варварством» [4: с. 274].

На фоне первозданно-чистой тайги перед читателем предстаёт внутренне чистый человек — Саня. В нём, как в героине предыдущего рассказа, нет отрицания «родовой» памяти, он может увидеть и понять красоту бытия. Между двумя рассказами В. Распутина лежит тринадцать лет. В них речь идёт, по сути, о подростках приблизительно одного возраста. Однако восприятие писателем реальности за это время изменилось. Если в «Век живи — век люби» автор изображает героя (Саню), который на-

следует традиции народной нравственности, то в «Женском разговоре» автор отчётливо дает понять, что преемственные связи разрушены и традиция прервана.

В связи с образами нового поколения в современной новеллистике обратимся к рассказу Б. Екимова «Фетисыч» (1996), главным героем которого является «девятилетний мальчонка Яков, с серьезным прозвищем Фетисыч» (его так звали «за разговорчивость, за стариковскую рассудительность, которая приходилась то кстати, а то и совсем наоборот») [2: с. 187]. По словам критика В. Сердюченко, герой рассказа «удерживает на себе пирамиду человеческих существований, а Б. Екимов, если угодно, уравнивает всю больную, исписавшуюся, лишившуюся царя в голове современную российскую словесность» [5: с. 87]. С образом главного героя связан новый поворот в осмыслении концепции человека в русской новеллистике конца XX века.

Начинается и завершается рассказ лаконичными природными описаниями. А между ними — повествование о двух днях из жизни мальчика. Эти два дня и композиционно поделили рассказ на две части. В первой представлены события того дня, когда умерла старая учительница. Во второй части рассказа повествуется о попытке Якова найти ей замену. В ней характер мальчика находит углублённое психологическое раскрытие благодаря ситуации выбора, выпавшей на его долю: переселиться в Алешкин хутор, жить в доме «директорши Галины Федоровны» и учиться в «настоящей школе», или же остаться в родной школе с другими детьми, с «одним разъединным классом». Автор психологически тонко раскрывает напряжённость душевных переживаний героя: от захлестнувшей поначалу радости («сердчишко колыхнулось от неожиданной радости») до печали и осознания своей ответственности за происходящее (что будет с Капустиными, с Крохой, со школой). В решении своём Яков укрепляется постепенно. Приход в школу бригадира Каледина — важный эпизод в сюжете рассказа, он является поворотным моментом в развитии действия. Еще не сделав окончательного выбора, Яков внутренне готов к тому, чтобы остаться в родной школе, вместе с детьми. Об этом свидетельствует его ответ бригадиру на предложение заниматься у Башелу-

ковых в доме. Мальчик находит убедительные доводы, и бригадир прислушивается к его мнению. При прощании, пожав Якову руку, он говорит: «Держись, Фетисыч. Учительницу найдем. А пока на тебя надежда» [2: с. 206]. В контексте рассказа слова бригадира не воспринимаются как шутка. В них — смысл авторской позиции: среди стихии всеобщей разрухи, «когда все вокруг прахом шло», Фетисыч остаётся на своем месте, отстаивая — в силу природного ума и детской веры в прочность сложившегося порядка вещей — интересы горсточки учеников, и, в сущности, спасает школу. Так он противопоставляет стихии разрушения, царящей вокруг.

Окончательное решение приходит к Якову ночью. Он просыпается в испуге оттого, что уже завтра его будут ждать директор школы в соседнем хуторе Галина Федоровна, муж её, баба Ганя. Переехать же к ним он не мог, «потому что нельзя было оставить свою школу. Тогда там все кончится, рухнет. Не будет уроков, повесят замок, цветы померзнут. А через неделю — это Яков знал точно — школу разгромят. Сначала вынут стекла... потом снимают двери, окна вырвут. И пойдут курочить... К Новому году от школы останется лишь пустая коробка с черными проемами. Так растаскивали клуб, детский садик, медпункт. Так будет со школой» [2: с. 208]. Благодаря концепции человека, реализованной в изображении мальчика, в рассказе воспроизводится конкретно-историческая ситуация в стране в девяностые годы.

В произведении находит психологически тонкое раскрытие индивидуально обрисованный характер (Фетисыч), взаимодействуют две параллельно развивающиеся сюжетные линии: природная (задающая особый тон повествованию) и социальная. Благодаря их взаимодействию достигается смысловая насыщенность повествования, завершающегося почти философским обобщением в финале: «А за окном менялась погода». «К рассвету прояснилось. Заря вставала уже зимняя, розовая. Хутор лежал вовсе тихий, в снегу, как в плену. Несмелые печные дымы поднимались к небу. Один, другой... За ними — третий. Хутор был живой. Он лежал одиноко на белом просторе земли, среди полей и полей» [2: с. 209]. Этот финал обнадеживает: как в природе день сменяется ночью, а ненастье — ясной погодой, так и в жиз-

ни людей на смену беспорядку и хаосу должны прийти порядок и созидание. И залог этой уверенности автора — в идее рассказа: девятилетний Фетисыч, переживший разруху, противостоит ей и берёт на себя ответственность за сохранение «лада» в жизни.

Концепция человека предстаёт в рассказах жанрообусловливающим фактором: при воссоздании целостного индивидуального бытия человека ведущим аспектом является «родовое», сочетающееся с индивидуальными чертами в облике героя; при раскрытии ущербного существования в отрыве от нравственных традиций в изображении человека доминирует «видовое» (социально-историческое, конкретно-историческое).

Литература

1. Головки В.М. Герменевтика литературного жанра: учеб. пособие / В.М. Головки. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 184 с.
2. Екимов Б.П. Белая дорога: Рассказы / Б.П. Екимов. – Волгоград: ГУ «Издатель». – 416 с.
3. Распутин В.Г. Женский разговор / В.Г. Распутин // Распутин В.Г. Повести и рассказы. – М.: Синергия, 2009. – С. 579–603.
4. Распутин В. Век живи — век люби / В. Распутин // Распутин В. Повести и рассказы. – М.: Дрофа, 2007. – С. 253–284.
5. Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия / В. Сердюченко // Вопросы литературы. – 2000. – № 4. – С. 77–97.

*A.I. Smirnova,
A.V. Makarova*

Russian Short Story Writing of the End of the 20th Century: Man's Conception and Genre

The article deals with the short stories that belong to the writers of natural direction in the modern prose, we analyse such stories as “Zhenskiy razgovor” and “Vek zhivi — vek lubi” by V.G. Rasputin, “Holyushino podvorye” by B.P. Ekimov. Man's conception and genre are interdependent, which means that an “ancestral” origin is the main aspect of making unified individual man's existence and a social origin is dominant in portraying a man while revealing waning existence isolated from moral traditions.

Key words: short story writing; short story; genre; man's conception.